

*Посвящается Поппи: моему дедушке,
крёстному и самому большому поклоннику.
Я люблю тебя и скучаю всей душой.*

Глава 1

Аушвиц, 20 апреля 1945 года

Три месяца назад я спаслась из тюрьмы, которая удерживала моё тело, но до сих пор не могу освободиться из той, что удерживает мою душу. Будто я никогда не снимала униформу в сине-серую полоску и не выходила за электрический забор из колючей проволоки. Освобождение, к которому я стремлюсь, требует особого рода побега, совершить который можно лишь вернувшись.

Морозящий дождь окутывает зловещей дымкой туманное серое утро. Совсем как в первый день, когда я оказалась на этом самом месте, уставившись на буквы из тёмного металла, надпись, притягивающую взгляд.

ARBEIT MACHT FREI¹.

Я достаю из своей сумочки письмо и перечитываю текст, который уже знаю наизусть, затем вынимаю пи-

¹ Труд освобождает (нем.). — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

столет, проверяю, всё ли в порядке. Люгер П08. Точно такой же мой отец сохранил в качестве трофея после Первой мировой войны. Он показывал мне, как им пользоваться.

Я бросаю сумку на влажную землю, поправляю рубашку и прячу пистолет в карман юбки. С каждым шагом по гравию я чувствую, как мои лёгкие наполняются смесью ароматов свежей земли и дождя, но могу поклясться, что улавливаю едва заметные запахи гниющих тел и дыма от сигарет, выстрелов, крематориев. Меня бьёт дрожь, я обхватываю себя руками и делаю глубокий вдох, убеждаясь, что воздух чист от этих примесей.

Пройдя через ворота, я останавливаюсь. Никакой ругани, насмешек или оскорблений, никаких глухих ударов дубинками или свистов кнута, никакого лая собак, топота сапог, оркестра, исполняющего немецкие марши.

Аушвиц пуст.

Меня пугает громкий голос, звучащий в голове, но слабый шёпот тут же напоминает, что именно этого дня я так ждала, и если не доведу дело до конца, то другого шанса может и не представиться. Я продолжаю идти по пустой улице мимо кухонного блока и лагерного борделя. Поворачиваю к жилому блоку № 14 и подхожу к месту назначения, рука опускается в другой карман и нащупывает лежащие там чётки.

Площадь для перекличек. Наше место встречи. Он уже поджидает меня.

Ублюдок стоит у деревянной сторожевой будки и выглядит именно так, как я его помню. Ростом не выше меня, худощавый, скучное, стёртое лицо. На нём форма СС, свежая и отутюженная даже в дождь, ботинки блестят, несмотря на несколько брызг грязи. На боку висит

пистолет. Глаза-бусинки останавливаются на мне, когда я застываю в нескольких метрах.

— Заключённая 16671, — начал Фрич. — Полоски шли тебе больше.

Несмотря на то что ко мне много раз обращались с этой последовательностью цифр, то, как он произносит один-шесть-шесть-семь-один, лишает меня голоса. Я провожу большим пальцем по татуировке на предплечье, которая так ярко выделяется на моей бледной коже, и по пяти круглым шрамам над ней. Этот простой жест помогает мне взять себя в руки и произнести:

— Меня зовут Мария Флорковская.

У него вырывается смешок:

— Ты так и не научилась держать язык за зубами, а, полька?

Эндшпиль начался. Мой разум — король, боль — мой ферзь, пистолет — ладья, а я сама — пешка. Мои фигуры расставлены по местам на этой гигантской шахматной доске. Белая пешка напротив чёрного короля.

Фрич кивком указывает на маленький столик в центре площади. Я бы узнала клетчатую доску и эти фигуры где угодно. Молча мы подходим к столику, слышны лишь наши шаги по гравию, но когда я собираюсь сесть за белыми фигурами, его голос останавливает меня.

— Ты что, забыла наше условие? Если ты собираешься нагнать на меня скуку, я не вижу смысла в финальной игре.

Он преграждает мне путь, я замечаю, как его рука ложится на пистолет, и делаю медленный вдох. Внезапно у меня появляется ощущение, будто я — та самая девушка, окружённая толпой мужчин на площади для переключек, все взгляды устремлены на неё, пока она играет в шахматы

с человеком, который всадит пулю ей в лоб, как только поставит шах и мат.

Между нами повисает тяжёлое молчание, пока мне не удаётся его нарушить:

— Что я должна сделать?

Он одобрительно хмыкает; я ненавижу себя за то, что произнесла это вслух.

— Покладистость гораздо лучше, чем дерзость, — говорит он, и я смотрю на его ноги, когда он подходит ближе. — Садись с другой стороны.

Он забирает мои белые фигуры и моё преимущество в начале игры так же легко, как забрал у меня всё остальное. Но мне не нужно преимущество, чтобы победить.

Я перехожу на противоположную сторону доски и изучаю капли воды, блестящие на чёрных фигурах. Фрич разыграет ферзевый гамбит. Я знаю это, потому что это мой любимый дебют. Он обязательно заберёт и его тоже.

Так он и поступает. Ферзевая пешка на d4. Одинокая белая пешка стоит на две клетки впереди своего ряда, уже добиваясь контроля над центром доски. Когда моя ферзевая пешка встречается с его пешкой в центре, Фрич отвечает второй пешкой слева от первой, завершая дебют.

Он кладёт руки на стол:

— Твой ход, 16671.

Я проглатываю фразу «*яволь, герр лагерфюрер*»¹, уже подкатившую к горлу. Он больше не мой командир. Я не буду обращаться к нему так.

Я молчу, и уголок его рта приподнимается, и жар удовлетворения разливается по моему телу, смешиваясь

¹ Jawohl, Herr Lagerführer (нем.) — есть, господин лагерфюрер.

ПОСЛЕДНИЙ ХОД

с холодом этого угрюмого утра. Изучая доску, я держу обе руки в поле его зрения — пистолет по-прежнему в кармане юбки, я ощущаю его тяжесть у себя на коленях.

Фрич наблюдает, как я тянусь за следующей пешкой, его глаза горят, будто он ждёт, что я заговорю. Что-то внутри побуждает меня подчиниться, хотя бы для того, чтобы убежать от него, от этого места, но я не могу, пока нет. Время ещё не пришло. Когда оно придёт, я потребую дать мне ответы, в которых так нуждаюсь; но если я позволю вопросам поглотить меня сейчас, если я потеряю концентрацию...

Я делаю ход и разглаживаю свою влажную юбку, уловив возможность спрятать руки под столом. Сейчас не время для дрожи. Эта игра слишком важна. Достаточно малейшего изменения, чтобы руки затряслись.

Закончи игру, Мария.

Шахматы — моя игра. Всегда ею были.

И после всего, что случилось, эта игра закончится по-моему.

Глава 2

Варшава, 27 мая 1941 года

С тех пор как меня и мою семью посадили в тюрьму Павяк, в голове вертелась лишь одна фраза: *гестапо придёт за мной*.

Забившись в угол нашей камеры, я прижала колени к груди и провела большим пальцем по разбитой нижней губе. Сначала я подумала, что, возможно, немецкая тайная полиция решит, что я не стою их времени. Один взгляд на мою светло-русую косу и широко раскрытые глаза, и они сочтут меня безобидной.

Но теперь слишком поздно. У них уже были доказательства того, что я сделала.

На единственной металлической койке с тонким матрасом сидела Зофья, вцепившись в мамину руку. Только что мимо нашей камеры, спотыкаясь, прошёл за-

ключённый, но моя младшая сестра не отпустила маму и не перестала паять на решётку двери. Мольбы этого человека о пощаде эхом отдавались в моих ушах, мольбы, за которые он получил пинки и удары, пока охранники уводили его прочь. Наконец мама уговорила Зофью отпустить её, а затем принялась распутывать непослушные золотые кудри сестры, вероятно, надеясь её этим отвлечь.

А вот Кароль, казалось, тут же забыл сцену, свидетелями которой мы стали. Он поднялся с грязного пола и поспешил к моему отцу, сидевшему на противоположном краю койки.

— *Тата*¹, я хочу поиграть в моих солдатиков, когда мы вернёмся домой.

— А твои солдаты победят нацистов?

— Конечно, они всегда побеждают, — сказал он и заулыбался: — Теперь мы пойдём домой?

— Скоро пойдём, — ответил тата. — Скоро.

Они с мамой переглянулись. С тех пор как пришли нацисты, они смотрели друг на друга именно так. В их взгляде читалось сомнение.

Я гадала, насколько сильно родители на меня злились. Они не показывали этого, но в душе наверняка — если и не за себя, то за Кароля и Зофью, — волновались. Из-за моих действий двоих невинных детей отправили в тюрьму. Нас держали всего несколько дней, однако тихие выразительные вздохи моих родителей, их тщетные утешения и ободрения, жалобы моей скучающей сестры и голодный плач брата — всё это напоминало о том, что я ответственна за наши страдания.

¹ Папа (*польск.*).

Когда Кароль забрался на колени таты, моё внимание привлёк новый звук. Шаги.

Родители потянулись друг к другу — простой, обычный жест, но в этот момент они двигались как единое целое. Одновременно, с равной скоростью, совершенно синхронно. Две половинки одного организма. Их руки на мгновение соприкоснулись, прежде чем они посмотрели на меня. Лучше бы они этого не делали, потому что выражение их глаз заставило меня лишь крепче обхватить колени.

Мама сказала Зофье и Каролю сесть на дальнюю сторону койки, как будто ржавый металлический каркас мог их защитить; тата встал. Когда он перенёс слишком большой вес на больную ногу, то поморщился и прижал ладонь к стене, чтобы восстановить равновесие. Это было всё, что он мог сделать без своей трости. Тишина заполнила крошечное пространство, в то время как топот сапог становился всё громче, затем дверь нашей камеры со скрипом открылась, и появились два охранника. Один указал на меня. От этого жеста, как и от последовавших за ним слов, у меня сжалось сердце.

— Ты, на выход.

Всё это время я убеждала себя — нужно будет подчиниться, когда охранники придут за мной, чтобы они не обращались со мной грубо. Но меня сковал внезапный ступор.

Тата резко шагнул вперёд. Я не понимала, как ему удастся держаться на ногах, но он стоял, пока охранник не ударил его и не повалил на пол.

Мама попыталась меня защитить — прижала к стене и закрыла своим телом.

— Не трогайте её! — закричала она. Крик гулким эхом отдавался в тесном пространстве камеры, даже когда её голова дёрнулась назад. Мама сжала меня в объятиях, но я увидела, что охранник держит её за волосы, а через мгновение он оттащил нас от стены и вырвал меня из её рук.

Я вертелась и дёргалась, — повинуюсь какому-то внутреннему инстинкту, хотя в этом не было никакого смысла, — пока они вытаскивали меня из камеры, ведя себя так, словно моё сопротивление было мелким неудобством. Затем они захлопнули дверь и защёлкнули тяжёлые наручники на моих запястьях. Они уводили меня всё дальше, пока крики моих родных совсем не стихли. Жуткая мысль закралась мне в голову, я задумалась, вернусь ли к ним вообще.

Глухие удары и лязг металла отдавались эхом при каждом шаге, пока мы шли по длинным холодным коридорам. Даже моё собственное дыхание было громким. В воздухе пахло железом, кровью, потом и бог знает чем ещё. Если бы страдание имело запах, оно пахло бы так же, как это место.

Один из охранников открыл дверь, а его напарник вытолкнул меня за порог. Меня ослепил пронизывающий свет, я двигалась на ощупь, пока очередной толчок не вернул темноту обратно. Когда мои глаза привыкли, я поняла, что сижу в грузовике на низкой деревянной скамейке. Крыша и стены автомобиля были обтянуты брезентом, поэтому я не видела, куда мы едем. Машина тронулась, и я чуть не упала из-за резкого поворота. Заключённые, вплотную сидевшие рядом, поддерживали меня, пока грузовик громыхал по улицам Варшавы.